

**Концепт стратегической культуры и его перспективы в контексте
современных гибридных войн**

Научный руководитель – Рыхтик Михаил Иванович

Карпухин Михаил Михайлович

Аспирант

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук,
Москва, Россия

E-mail: karpukhin98@yandex.ru

В условиях развивающегося современного мира эпоха идей глобализации стремительно сменяется периодом серьезных военных конфликтов гибридного характера. Противостояния современных государств сегодня все чаще происходит в информационном пространстве символов и смыслов - так называемой «гиперреальности» [2], что актуализирует исследования проблемы стратегической культуры и влияния мировосприятия элит на внешнюю политику государства.

Концепцию стратегической культуры нельзя рассматривать в отрыве от исторического контекста ее возникновения. Во времена «Холодной войны» научное сообщество Соединенных Штатов Америки выявило необходимость тщательного анализа мышления противника и прогнозирования его дальнейших шагов. Исследования в данном направлении проводились Дж. Снайдером, который в 1977 году ввел термин «стратегическая культура» в научный оборот [7], и были продолжены К. Бутом [6] и К. Греем [11]. Изучая отношение сверхдержав к вопросам применения ядерного оружия, исследователи пришли к выводу, что культурные установки политических элит оказывают непосредственное влияние на выстраивание государством внешнеполитического курса.

Говоря о современном представлении о стратегической культуре, стоит отметить, что оно сформировалось уже в конце 1980-х годов, когда в философской науке были крайне популярны идеи о том, что наша реальность является продуктом наших собственных мыслей и действий. В исследованиях, посвященных мировой политике, данная парадигма оформилась в виде конструктивистского подхода, представители которого подчеркивали «интерсубъективный» характер международных отношений, основанных на сконструированных сознанием людей нормах и смыслах [13, 15]. Так, стратегическая культура была определена как система символов, которые формируют стратегические предпочтения государства на международной арене [12]. В дальнейшем возник ряд исследований, ориентированных на символическую сторону стратегической культуры [3, 5, 9].

На сегодняшний день существуют несколько подходов к анализу стратегической культуры. Среди них стоит обратить внимание на подход Т. А. Алексеевой [1]. Она выделила два уровня анализа стратегической культуры, позволяющих выявить ценность и перспективы концепции стратегической культуры для исследования современных конфликтов.

Первый уровень - восприятие политической реальности, при котором определение правящей элитой своего места, целей и ценностей на международной арене оказывает непосредственное влияние на принятие ключевых политических решений [3]. Как отмечают исследователи, стратегическая культура формирует идентичность государства, и вместе с тем выстраивает образ других стран [8].

В контексте современных гибридных войн стратегическая культура становится не просто способом выбора целей, методов и ресурсов внешней политики государства, но и может сама выступать образцом мировосприятия для других государств. О навязывании структур международных отношений и общей картины миропорядка силами «исторического блока» писал в своих работах Р. Кокс [10].

Второй уровень изучения и анализа стратегической культуры связан с интересом к конфигурации групп интересов, которые принимают политические решения. В этом смысле государство необходимо рассматривать не как монолитный актор международной политики, а скорее как неоднородную структуру правящей элиты, которая имеет собственные интересы и мировоззрение. Согласно концепции П. Сабатьера, государственную политику осуществляют микрогруппы, объединенные общим видением ситуации и ценностными установками [14]. В контексте стратегической культуры крайне важно понимать кто является ключевым актором, влияющим на международную политику и какой стратегической культуры он придерживается.

В наши дни крайне важно учитывать различие стратегических культур у разных политических акторов. Государства способны оказывать ключевое влияние на внутривнутриполитическую структуру принятия решений и таким образом изменять вектор внешней политики других стран. Один из примеров - Революция Роз, произошедшая в Грузии в 2004 году, когда в связи с приходом к власти прозападной коалиции М. Саакашвили пророссийский внешнеполитический курс стремительно сменился ориентацией на Запад. Американский истеблишмент сыграл на традиционной для стратегической культуры Грузии политике поиска внешнего покровителя на международной арене, сформированной за сотни лет истории, и переориентировала ее на выгоду США [4].

Таким образом, концепция стратегической культуры является крайне эффективным инструментом анализа мировой политики. В условиях высокой активности фазы гибридного противостояния этот концепт требует особого внимания, так как смыслы и мировоззрение людей становится ключевым ресурсом на поле информационной войны.

Источники и литература

- 1) Алексеева Т. А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 130-147.
- 2) Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2011.
- 3) Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2018.
- 4) Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб.: Алетейя, 2008.
- 5) Berger T. Cultures of Antimilitarism: National Security in Germany and Japan. Baltimore: John Hopkins University, 1998.
- 6) Booth K. Strategy and Ethnocentrism. N.Y.: Holmes and Meier, 1981.
- 7) Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation, 1977.
- 8) Todorova M. Imagining the Balkans. N.Y.: Oxford University Press, 2009.
- 9) Basrur R.M. Nuclear Weapons and Indian Strategic Culture // Journal of Peace Research. 2001. Vol. 38. № 2.
- 10) Cox R. W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium: Journal of International Studies. 1981. Vol. 10. № 2.
- 11) Gray C. National Style in Strategy: The American Example // International Security. 1981. Vol. 6. № 2.
- 12) Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture", International Security. 1995. Vol. 19, №. 4.
- 13) Katzenstein P. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1997.

- 14) Sabatier P. Policy Change over Decade or More // Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach / Ed. by P. Sabatier and H. Jenkins-Smith. Boulder, 1993.
- 15) Wendt A. Constructing International Politics // International Security. 1995. Vol. 20. № 1.